Мстислав РОСТРОПОВИЧ:

Труд. — 1993. — 22 септ

В Россию всегда с любовью...

Утром в последнее воскресенье перед отъездом Национального симфонического оркестра на гастроли в Москву я увидел его руководителя Мстислава Леопольдовича Ростроповича на литургии в вашингтонском Свято-Николаевском кафедральном соборе — маэстро пришел получить благословение перед дорогой. И получил его от настоятеля собора о. Дмитрия Григорьева, просившего в молитве даровать успех и всяческое благоденствие рабу Божьему Мстиславу и его коллегам в их благородном предприятии. О том же молились и прихожане. А вечером того же дня мы встретились с великим дирижером в его квартире, похожей на небольшую музей русского искусства прошлого века, чтобы побеседовать о том, что предстоит его оркестру и ему лично. Начался разговор с утреннего богослужения: это случайное совпадение или предтежественная традиция Ростроповича!

— Нет-нет, никак не совпадение, — как всегда, эмоционально отверг он такое предположение, — я пришел именно за благословением. И если хотите — да, это можно считать традицией. За два дня до того, как меня вытолкнули из Советского Союза, 24 мая 1974 года, мы с женой пошли помолиться в церковь Нечаянной Радости на Обьденке — я любил и уважал тамошнего священника о. Александра. В этой церкви Солженицыны крестили своего первого сына Ермолая, крестным отцом которого стал я. А тот январский день был одним из самых горьких в моей жизни — и одним из самых радостных.

Мы никому не говорили специально, что собираемся в церковь, — не хотели подставлять друзей под удар. Но когда мы вошли, там уже были почти все мои ученики, которых заставляли проклясть мое имя, и многие мои коллеги из консерватории. Представьте себе, молились вместе с нами, забыв все свои страхи, парторг нашего факультета. Все-таки, знаете, очень трудно до конца искоренить в человеке человеческое. А уж как старались... Так вот, мы все вместе и попросили Господа о помощи, и святая вода, которой меня окропил о. Александр, смешалась с моими слезами. И как видите, Бог меня не оставил. Уверен, без его оберегающей руки я бы не смог пережить то нечеловечески трудное время и стать на ноги в этой совершенно непривычной для нас обстановке.

Ни знания этой обстановки, ни знания языков, никаких постоянных деловых контактов у нас не было... Я, дорогой мой, не создан, чтобы, имея руки и

кое-какое профессиональное умение, существовать за счет благотворительности. А первые собственные деньги за концерт мне удалось заработать лишь несколько месяцев спустя — и знаете где? В Монако. Одновременно и Галя получила гонорар — я ей аккомпанировал. Как мы были в тот вечер счастливы, что можем наконец-то сами заплатить за свой ужин!

— Мстислав Леопольдович, есть какая-то основная идея, которой вы руководствовались, формируя репертуар для этих гастролей?

— В России сейчас очень трудное время. Я хочу принести туда радость, добро и веру в самих себя. Вот это главное. Мы будем исполнять произведения русских композиторов, причем гениальных композиторов, и если сумеем сделать это достойно, то это должно вселить в людей гордость за свою страну, рождающую таких гигантов. Всевышнему было угодно устроить так, чтобы я свой последний, семнадцатый вашингтонский сезон начал не здесь, а в Москве. В этом есть какое-то знамение, честное слово. Ведь мы должны были дать в Центре имени Кеннеди три концерта по той самой программе, которую везем на гастроли. И вдруг — забастовка оркестра оперы и балета Центра. А наши оркестранты — в том же профсоюзе, и, естественно, пересекать линию пикета не могут. Сюжет прямо специально для «Труда», а? Даже репетировать пришлось в другом помещении. Так вот и вышло, что прощаться с Вашингтоном я начну в Москве 25 сентября — в моем родном Большом зале консерватории.

— Наша газета уже писала о вашей программе, но хорошо

бы рассказать чуть подробнее о ней.

— Вы знаете, какой это день — 25-е? Это день рождения Шостаковича, который мы с ним вместе отмечали несчетное количество раз. Разве не удивительное совпадение! Играть будем 9-ю симфонию Дмитрия Дмитриевича, и в том же отделе Игнат Солженицын исполнит его 1-й концерт для фортепьяно с оркестром.

Игната я знаю буквально с рождения, а в возрасте одного года его вместе с родителями выгнали из Советского Союза. За два дня до концерта ему исполнится 21 год. Я духовно, так сказать, руководил его музыкальным образованием, его музыкальной жизнью. Образование он получил у блестящих педагогов, начиная с Рудольфа Серкина, великого пианиста. Игнат, я бы сказал, обречен на успех в России — он музыкант большой внутренней сосредоточенности, что именно у русских исполнителей является очень сильной стороной. Он даст два сольных концерта в Москве и Петербурге с очень сложной программой — Брамс, Моцарт, Бетховен.

Шостакович всю жизнь помогал молодым композиторам. В память этого наш оркестр во втором отделении делает премьеру новой 6-й симфонии Шнитке, который, как вы знаете, до недавнего времени был под запретом. Он сам будет на премьере в Москве и, я надеюсь, в Питере. А на следующее утро в 8 часов у нас уже репетиция на Красной площади. Я должен посмотреть и проверить все сам — помосты, акустическую аппаратуру и прочее. Выступать будем с хором Нормана Скрибнера — 140 человек едут из Вашингтона. Откровенно говоря, я не очень большой любитель таких массовых зрелищ, но мне хотелось, чтобы как можно больше людей услышало этот концерт, почувствовало восхищение, я бы сказал, преклонение американских исполнителей перед русской музыкой, патриотической музыкой в самом высоком смысле этого слова, на котором кое-кто сейчас просто спекулирует: ораторию Прокофьева «Александр Невский» и увертюру Чайковского «1812 год» с настоящими кремлевскими колоколами.

Ну а дальше Санкт-Петербург, Вильнюс, Рига, Таллинн. В одном из интервалов я хочу успеть съездить на фестиваль имени Сахарова в Нижний Новгород. Кстати, интересно было бы познакомиться с нижегородским губернатором, много слышал об этом молодом человеке.

— А что после Таллинна?

— Оркестр отправится обратно в Вашингтон, а я вернусь в Россию. Во-первых, хочется побывать в некоторых близких моему сердцу городах, просто побродить по их улицам. Во-вторых, предстоит 50-летний юбилей сценической деятельности моего большого друга Майи Плисецкой, и я обещал ей аккомпанировать в Большом театре — ее неумирающему умирающему лебедю. После этого я планирую встретиться с моими друзьями из Азербайджана и Армении. Мы встретимся под Москвой, проведем три дня вместе — человек по 30 из Баку и Еревана, которые знали и любили друг друга, и я их всех любил. В дипломатию я абсолютно не влезаю, смешно предполагать, что я могу разрешить какие-то вопросы. Просто хочу их всех спросить, что они думают, как мыслят дальше жить.

— На этом «русская программа» заканчивается?

— Нет, не совсем. Никто еще об этом не знает, но я собираюсь дать по два мастер-класса в Москве и Петербурге. Считаю, что настало время для каждого из нас перестать вести пустые разговоры, а начать вносить реальную лепту в развитие российской культуры. Не болтать и критиковать, приезжая на родину, не отнимать у людей веру и надежду, а помогать.

Думаю также создать пресс-конференцию, чтобы отчитаться перед народом о деятельности моего фонда помощи детям. Не хвалюсь скажу, что сделано немало. Через фонд уже поступило для детей не на один миллион долларов помощи — медикаментов, оборудования, клиника на колесах. Сейчас буду конкретно заниматься проблемами корпуса реабилитации при Морозовской больнице.

Есть еще одно важное дело. В годовщину 100-летия смерти Чайковского, 6 ноября, я буду дирижировать в Большом театре, после чего «кравчески» получу с

них тот гонорар, который мне платят во всем мире — немалый, надо признать. Получу — и сразу создам новый фонд. Он будет называться «Фонд ремонта Московской консерватории». Дело в том, что будучи последний раз в Москве, я в одно из воскресений взял у нянечки ключи и пошел по пустым классам консерватории, в которых провел столько счастливых часов. И везде ужасался тому состоянию, в которое пришли эти помещения. Щиты, прикрывающие штукатурку, чтобы она не падала на головы играющих музыкантов, — где такое видано! Какие-то пещерные условия, честное слово. 75 лет только подмазывали и ни разу по-настоящему не ремонтировали.

Что еще? При всем сказанном, как всегда, еду в Россию с любовью, счастлив, что опять могу там побывать. Прогнозы насчет каких-то возможных потрясений меня не пугают. Однажды, в августе девяносто первого, летя в Москву, я заранее отрешался от жизни, и, возникни опять подобная ситуация, я буду с моим народом. Отказаться, предать забвению свою юность, друзей, школу, родные знакомые улицы я не могу.

— А когда же все-таки вашингтонцы дождутся Ростроповича?

— Только в феврале будущего года, до тех пор будут дела в Европе и в Японии.

— Значит, завершается какой-то большой, важный, трудный, но и во многом счастливый цикл вашей жизни и начинается какой-то совсем новый. С каким ощущением в душе вы в него вступаете?

— Несмотря на усилия людей, которых я не люблю и не уважаю, которые тормозят развитие новой России, откуда-то, может быть, из глубинки, идут флюиды восстановления страны, и я их чувствую. Да и не только из глубинки свежестью тянет — Петербург, например, становится опять красавцем городом. Кто-то скажет: дурак, мол, живет далеко, вот ему и видится все розовым. Допустим, я дурак, но у меня умная интуиция, которой я привык доверяться. И она мне говорит: Россия опять состоится, обязательно.

Беседу вел
Виссарион СИСНЁВ,
соб. корр. «Труда»,
ВАШИНГТОН.